

Музыка, написанная левой рукой, на рекорд не потянула

Коммерсант & daily, -1997, -7 окт. - с. 13
В Москве прозвучало новое сочинение Кшиштофа Пендерецкого

В субботу в Большом зале консерватории состоялась мировая премьера Кшиштофа Пендерецкого — «Слава Святому Даниилу, князю Московскому». Шумному успеху 13-минутного опуса (живому классiku рукоплескали стоя) способствовала беспрецедентная для нашей страны ситуация заказа, сделанного Пендерецкому корпорацией ТВ-6 для патронируемого ею оркестра «Русская филармония» (дирижер Александр Ведерников). Однако картину торжества изрядно подпортило плохое исполнение новоиспеченного шедевра и присутствие в программе еще одного заказного опуса — увертюры Чайковского «1812 год».

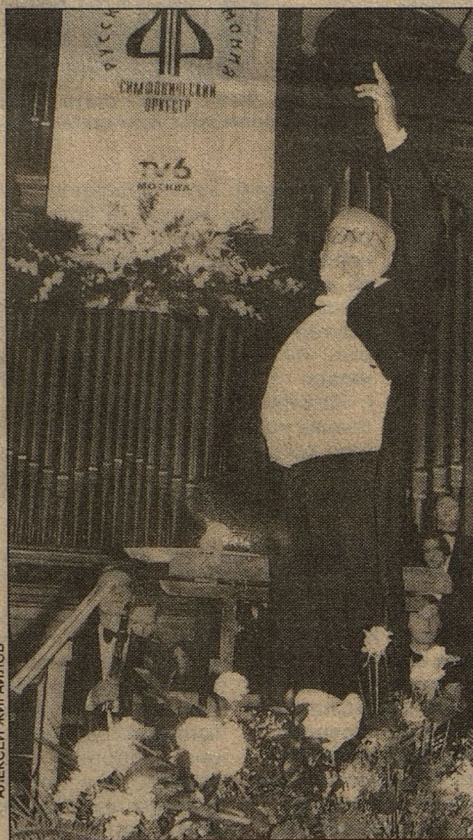
Во всей этой истории было бы разумнее не преувеличивать заслуги президента и генерального директора ТВ-6 Александра Пономарева. Его обращение к Пендерецкому продиктовано рекламными потребностями молодого канала, обзаведшегося молодым оркестром. Что и говорить, ход был сделан грамотно — найден лучший из композиторов, способных обеспечить promotion; найдены деньги (по предположениям специалистов, вполне соизмеримые с российскими гонорарами Паваротти — \$500 тыс.), от которых Пендерецкий не смог отказаться; наконец, найден самый приемлемый в разговоре с этим композитором предлог для заказа — 850-летие Москвы.

Не стоит преувеличивать и самоотверженность Пендерецкого, изыскавшего в плотном графике заказов местечко для русского святого, подобранного им с помощью профессора-слависта Наумова на роль героя православного гимна Москве.

Из ожидавших премьеры наиболее мудрыми оказались те, кто был готов отметить сенсационность самого факта заказа и фигуру Пендерецкого с точки зрения ее прикладной универсальности, а не сверххудожественной уникальности. Согласитесь, музыкальное обслуживание дат при всей разнице в их величине — то 3000-летие Иерусалима, то 200-летие французской революции, то юбилей Москвы — требует в сущности одного и того же банка данных.

Профессиональный феномен Пендерецкого как раз и замечателен тем, что повороты «по поводу» его универсально технического кубика Рубика являются и целью, и средством. Поэтому сообщив на пресс-конференции, что на заказ он пишет только то, что хочет писать, Пендерецкий действительно не покривил душой.

В джентльменском наборе «Святого Даниила» все предсказуемо — старославянский текст, православная псалмодия,

АЛЕКСЕЙ ЖИГАЙЛОВ

Теперь Пендерецкому остается подставить правую руку

корректная диссонантность духовых, прозрачность мелодических линий, цепная хоровая партитура (половина тянет, половина движется), эмоциональное восхождение «от мрака к свету». Все это, рассчитанное, как в фирменном рецепте, было написано в путешествиях (вплоть до Южной Америки) за два с половиной месяца и высылалось ровненькими дозами по факсу. Получился приятный на вкус, чистейший по структуре продукт «made in Penderecki». Очень логичный. Очень формальный.

В том, что духовые не успели выучить партию в своем квазиантифоне, опоясавшем зал в финале «Даниила» с двух концов — три трубы на сцене и три в фойе — было даже что-то трогательное: столько помпезного — чиновные речи президента ТВ-6, поднятый в начале концерта гимнами Польши и России на ноги зал, и... обыкновенные исполнительские оплошки. В любом случае недоумение от очевидных расхождений в так называемом оркестре (духовые плюс ударные) рядом с вышележающим и крайне осторожным хором Академии Попова все равно должно было смениться триумфом.

Если во время исполнения Пендерецкий за дирижерским пультом был незаметен (звуковая эхо-география слишком завладела вниманием аудитории), то с последним звуком и с первым хлопком он стал главным героем события. Как выяснилось позже, только на время. По залу засновали клерки с букетами, один из них ошибся и преподнес цветы не жене композитора Эльжбете, а сидевшей через место от нее другой беловолосой даме. Букет был тотчас передан адресату.

Программную раму концерта определил сам Пендерецкий. По его желанию там стояли произведения, посвященные Москве. Скверным звучанием предварявшего премьеру «Светлого праздника» Римского-Корсакова, думаю, главным образом мы обязаны обиде струнников за их не востребованность в партитуре всемирного маэстро. Буквально «обналиченная» молодыми музыкантами идея молодого оркестра выявила в этой вещи, как и в аховом «Славянском марше» Чайковского, свою ущербность. Но «реабилитировалась» во втором отделе в превосходно сыгранной увертюре Чайковского «1812 год».

Реванш оркестра в ней был настолько очевиден, что возникло подозрение в запрограммированной провокационности замысла: вытащив публику на имя Пендерецкого, его использовали как аперитив, а после прилива желудочного сока удовлетворили голод прекрасно подготовленным заказным шедевром Чайковского.

Показав себя с лучшей стороны, молодой оркестр ТВ-6 все же не мог соперничать с дирижером. Жестами и позами Ведерников как бы вытягивал из замусоленного торжества хита все дурное и возвращал ему дух симфонического гения Чайковского и размах светлановской интерпретации.

Тема императорского гимна в изложении низких медных утвердила победу русского композитора на дистанции столетнего заказного сочинительства. То, что было написано (по признанию чемпионки) «без теплого чувства любви», оказалось заведомо выше последствий альянса эрудита от телевидения с гуманистом от музыки.

И все же цель достигнута. Рывком популяризировать молодой оркестр ТВ-6 удалось. Жаль, что современность проиграла классике. Жаль, что скорость оказалась соперницей мудрости, рекламный прецедент — соперником художественного откровения. Шутки ради припишем проигрыш Кшиштофа Пендерецкого тому, что он левша. Судя по всему, рекорды быстрого сочинительства ставят не одной левой.

ЕЛЕНА ЧЕРЕМНЫХ